

ИСТАРМОДНАЯ ИСТОРИЯ

КОГДА в зале Малого театра гаснет свет и занавес не раздвигается, как обычно, а легко устремляется вверх, многие, вероятно, вспоминают, что в былые времена именно так и начиналось здесь действие. Декоратор Дэвид Митчелл не боится показаться старомодным и после того, как поднимается занавес. Он выстроил достоверный павильон, отсылающий нас по своей эстетике к первым опытам молодого Художественного театра. Впрочем, мы вспомним об этой удивительной поре МХАТа на спектакле гастролирующего сейчас в Москве американского Театра двух актеров не один раз и не только в связи с работой художника...

Современная пьеса Д. Коуберна «Игра в карты» поначалу может показаться излишне статичной. Как и само существование в доме для престарелых, где встречаются Фонсия Дорси и Уэллер Мартин, привыкшие за долгую жизнь к тому, что удачи чередуются с неудачами, а мечты поверяются действительностью. И вот теперь, оказавшись не у дел, оба они больше всего страдают от одиночества, хотя и не хотят признаться в этом даже себе самим...

Старая, знакомая тема. Место действия — тоже не новое. И средства художественной выразительности, которыми пользуются создатели спектакля, давно уже хорошо известны. Отчего же тогда такой успех? По-моему, именно поэтому. Жизнь человеческого духа, как она есть, оказалась интереснее всех новейших театральных течений.

Сценой, нашим вниманием всецело завладели лицедеи. Их всего двое — Джессика Тэнди и Хьюм Кронин. Вышли они на сцену, уселись за обыкновенный стол и начали играть в «джин». Судя по всему, ничего особенно мудреного в этой карточной игре нет, коль скоро Фонсия с первого же раза из робкой ученицы стала абсолютным чемпионом. Просто она играет спокойнее, без стремления во что бы то ни стало выиграть. Последнее обстоятельство особенно бесит Уэл-

лера. Казалось бы, игру давно пора прекратить, на чем неоднократно категорически настаивает Фонсия. Но Уэллеру каждый раз удается вернуть ее за карточный стол. Потому что у обоих, в сущности, не остается никаких других занятий...

Надо видеть, как искусно плетут свои тончайшие кружева актеры. Не то что жест или слово — взгляд не остается без внимания партнера. Конечно, хвала им, но и режиссеру Майку Николсу тоже. Они сделали так, что ни одна партия не повторяет другую. Но главное, конечно, не в «джине», а в отношениях, которые начинают складываться между двумя совершенно разными людьми, волею судьбы оказавшимися здесь в конце своей жизни. В стремлении двух старых, никому не нужных людей не уступить обстоятельствам, не сдаться, из последних сил выстоять, даже на самом краю бездны...

В пьесе и спектакле грустное сменяется веселым. Все, как в жизни, наблюдаемой художниками будто скрытой камерой. И рука Уэллера, которую в трудную минуту с благодарностью ощутит на своем плече Фонсия. И в ответ сама едва заметно коснется ее своей такой же беспомощной рукой. И яркая краска на лице у героя от излишнего напряжения во время игры, ее заметит не только Фонсия, но и все мы, следящие за «поединком века».

После спектакля Хьюм Кронин, обращаясь к залу, сказал: «В своем творчестве мы пытаемся идти по пути, открытому Станиславским. Мы читаем его труды, но они не всегда бывают удачно переведены. Вот почему мы с таким волнением играем сейчас в Москве, где Станиславского знают в подлиннике».

Судя по тому, какой успех имеют американские артисты в Москве, они правильно поняли Станиславского. А заодно подтвердили, что сделанные великим реформатором открытия ничуть не устарели, но давно уже стали достоянием мирового театра.

В. ПОЮРОВСКИЙ.

История

МОСКВА